

Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009. 356 с. [Nicol'skaja T. K. Russkij protestantizm i gosudarstvennaja vlast' v 1905–1991 godah. SPb., 2009. 356 s.]

Ярыгин Н. Н. Евангельское движение в Волго-Вятском регионе. М., 2004. 224 с. [Jarygin N. N. Evangel'skoe dvizhenie v Volgo-Vjatskom regione. M., 2004. 224 s.]

Рецензия поступила в редакцию 18.09.2014 г.

УДК 27-282.5-055.2(470.)

Хартмут Рюсс

О ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Рец. на кн.: *Schmähling A. Hort der Frömmigkeit – Ort der Verwahrung. Russische Frauenklöster im 16.–18. Jahrhundert (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europas, Bd. 75) / A. Schmähling. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2009. – 212 S., 2 Ktn., 2 Graph., 12 Tab.*

Автор рецензии считает удачной попытку немецкой исследовательницы А. Шмэлинг проанализировать социальную историю православных женских монастырей России XVI–XVIII вв.

К л ю ч е в ы е с л о в а: A. Schmäling; Россия XVI–XVIII вв.; православные женские монастыри.

Труд Игоря Смолича, единственная обобщающая работа о русском монашестве, вышедшая в 1953 г., уделила женским монастырям лишь незначительное внимание. В Советском Союзе в центре интересов стоял стереотип об эксплуататорском монашеском сословии, — причем, конечно, умалчивалось (как справедливо замечает Ангелика Шмэлинг, автор рецензируемой книги и защищенной в Кельне диссертации), что крупные монастыри, со своими огромными земельными владениями, составляли исключение. В новейших российских исследованиях явно оживилось обсуждение монастырской тематики — причем в менее идеологически выраженном направлении. Правда, по своему содержанию они почти не вышли за пределы анализа известного законодательства и монастырских уставов и до сих пор еще в достаточной мере не использовали шанс «плотно заполнить исследовательские лакуны данными источников». Это Шмэлинг и делает в своей достойной всяческого внимания работе о русских женских монастырях в период между «золотым веком монахов-отцов» (XIV–XVI вв.) и XIX столетием, считающимся временем расцвета монастырской жизни. При этом она может опереться на хорошо сохранившуюся со второй половины XVII в. (и особенно после создания в 1721 г. Святейшего Синода) письменную традицию, в то время как состояние более ранних источников весьма неудовлетворительно из-за недостатка документации, касающейся монастырей, а также вследствие

пожаров и разрушений. Т. к. петровские реформаторские планы в форме Духовного регламента 1722 г. по своему содержанию образовали цезуру в отношении жизни монастырей, то тематически работа структурирована на допетровском и синодальном времени, что то и дело ведет к неизбежным повторам.

Исходя из данных более ранних исследований, автор сообщает о 76 существовавших до 1500 г. женских монастырях, число которых (267) достигло пика в период между 1700 и 1749 гг. Семь самых богатых женских монастырей в 1719 г. владели от 1000 до 5000 или же свыше 5000 «душ» (79,2 % крепостных всех женских монастырей), в то время как половина женских монастырей вообще крепостных не имела. Зажиточным женским монастырем был московский Новодевичий монастырь с более чем 13 000 «душ», который в 1719 г. занимал по этому показателю шестое место среди всех монастырей. Кроме того, этот монастырь получал дары от различных членов царской семьи в виде чрезвычайно обильных денежных вкладов и икон — в подобном ключе вообще можно наблюдать бросающееся в глаза сродство высшей знати с определенными женскими монастырями, прежде всего в Москве и Суздале и около них, где женщины из высших кругов часто проводили свои последние годы. Представительство здесь знатных монахинь составляло большинство по отношению к числу всего монастырского люда. Во владение землями и правами пользования монастыри вступали в первую очередь благодаря пожертвованиям и вкладам, за которые они были обязаны памятовать души дарителей и их присных.

Предпринимавшиеся со времен Ивана IV (1533–1584) попытки уменьшить или же совсем ликвидировать земельную собственность крупных монастырей обрели свой финал лишь во всеобъемлющей секуляризации при Екатерине II, которая в 1764 г. всю монастырскую землю без исключения подчинила контролю Коллегии экономии. С Петра Великого, чьи реформы, однако, проводились в жизнь непоследовательно, секуляризация должна была идти в ногу с государственным бюджетом, из которого монастырям платилось содержание в соответствии с их рангом и значимостью. К тем, которые попали в первый разряд по содержанию, принадлежали при Екатерине II и четыре женских монастыря. Производимые в деньгах или натурой выплаты по мере надобности приходились только на определенное число сестер какого-либо монастыря — и ранжировались в соответствии с их статусом, в котором учитывалось как их нынешнее положение, так и происхождение.

В целом государственные финансовые отчисления монахиням явно были меньше тех, что производились братии мужских монастырей. Особенно резко отличались выплаты мужским и женским монастырским верхам. В качестве монахинь сестры давали обеты бедности, целомудрия и послушания. Первый упомянутый зарок привилегированные сестры из знати в богатых крупных монастырях обходили особенно часто, так что, несмотря на киновитское требование общежитийного обеспечения и совместной собственности, пропасть между бедными и богатыми монастырями сохранялась точно так же, как и различия среди самих сестер, которым в бедных монастырях приходилось самим заботиться о своем содержании.

То, что в одном монастыре порой проживало свыше сотни женщин, а среди них — множество сестер, не являющихся монахинями, кажется, не было

необычным даже до 1700 г. По наблюдениям автора, женские монастыри вообще были заселены гораздо плотнее, нежели монастыри мужские. Среди монахинь, за исключением, конечно, сестер из высших кругов, была распространена неграмотность. Принципиально приниженный в христианстве религиозный статус женщины, естественно, находил отражение и в русских женских монастырях: монахини всегда причислялись к группе богомольцев, но не к сословию священства, и потому не могли осуществлять никаких церковных служб.

Средний возраст в женских монастырях был относительно высок, — так, согласно дополнению к Духовному регламенту, женщины могли давать обет только с 50 лет, а среди тех, которые хотели постричься в 18 лет, чуть более 70 % составляли вдовы.

Пути в монастырь были весьма разнообразны, социальные мотивы (бедность, болезнь, возраст, бегство от крепостного состояния и т. д.) играли существенную роль наряду с персонально-семейными (жестокие мужья, удобный способ развестись), политическими (царская немилость, ссылка) и религиозными причинами (обретение спасения души).

В качестве критерия приема в сословие монахинь и связанного с этим получения какого-либо натурального содержания особенно в XVIII в. имел значение военный или гражданский служебный ранг умершего супруга. Более ранние исследования по отдельным монастырям показали, что это не было каким-то организованным обеспечением бедняков и больных и также не соответствовало православному представлению о любви к ближнему, которая была направлена на осуществляемое отдельными лицами вспомоществование и милостыню, а не на систематически организуемую помощь. Примером являлась *vita angelica*, в которой благочестие выражалось в обетах, службе Господу и постоянной молитве — и в меньшей степени в деятельной любви к ближнему. Как показывает автор на примере московских женских монастырей, потому и оказался в значительной степени без последствий радикальный поворот Петра Великого, потребовавшего выполнения масштабных каритативных задач.

Если учитывать, что церковь по византийской традиции с самого начала вела себя подчеркнуто в «симфонии» с деятельностью правителей и в значительной мере идентифицировала свои собственные интересы с интересами светской власти, то на этом фоне можно легче понять то смущающее автора обстоятельство, что монастыри использовались в качестве тюрем и мест ссылки для арестантов и арестанток, осужденных светским законодательством. Кстати говоря, подобное имело место и в римско-католическом мире. Надзор над правонарушительницами в крупных женских монастырях возлагался на пребывающих там и содержащихся на монастырские средства ветеранов; в иных случаях над преступницами должны были надзирать сами монахини, что не являлось вызовом моральной интеграции всей сестринской общины.

Ангелика Шмэлинг представила первоклассное исследование социальной истории российских женских монастырей. На сюжеты латинского мира подобно-го фундированного обобщающего труда пока еще не написано. Работа Шмэлинг, вследствие своей многогранности, критической хватки и удивительного уровня рефлексии, может считаться важной вехой в исследовании женских монастырей

России. Возможно, автору не стоило почти полностью воздерживаться от сравнений с западными женскими монастырями. Ее книга дает для этого весьма весомые основания — книга, которая представляет удачный анализ монастырской жизни женщин в поле напряженности между монашеским идеалом и реальностью (зачастую более прозаичной) и одновременно демонстрирует высокую степень увлекательности.

Рецензия поступила в редакцию 17.09.2014 г.

УДК 94(47+57)“17” + 94(477) + 34(47+57)

М. А. Киселев

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ АЗОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ (1775–1784)*

Рец. на кн.: Олененко А. Г. Азовська губерньська канцелярія (1775–1784): історія установи та її документації / А. Г. Олененко. — Київ : [б. и.], 2013. — 304 с.

Рассматривается монография А. Г. Олененко, посвященная истории Азовской губернской канцелярии (1775–1784). Делается акцент на том, что монография представляет особый интерес для исследователей государственного управления имперскими окраинами в XVIII в.

Ключевые слова: история Российской империи XVIII в.; история Украины; Азовская губернская канцелярия.

В 2013 г. в Киеве была издана монография А. Г. Олененко «Азовская губернская канцелярия (1775–1784): история учреждения и его документации». Основной целью для автора было «проведение комплексного исследования документации Азовской губернской канцелярии» (далее — АГК), государственного учреждения, функционировавшего в 1775–1784 гг. (с. 6). Таким образом, исследование затрагивает весьма интересную проблему — организацию управления имперских окраин в период подготовки и проведения второй губернской реформы.

Первая глава монографии посвящена административно-территориальному устройству Азовской губернии. В 1764 г. Екатериной II была образована Новороссийская губерния. В 1775 г., вскоре после завершения русско-турецкой войны, российским правительством на землях Южной Украины (в терминологии А. Г. Олененко) было создано уже две губернии — Новороссийская и Азовская. В состав последней вошли присоединенные по Кучук-Кайнарджийскому миру территории, а также часть земель Новороссийской губернии и Запорожской Сечи.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Государственное управление в России во второй половине XVIII в.: теоретические и концептуальные подходы и их практическое воплощение (региональный аспект)», проект № 13-31-01003.